

18. Текущая литература. Обзор первой книжки «Русской беседы» за нынешний год (1857) // Сын Отечества. 1857. № 16. 21 апреля.

19. *Хитров А.* «Старый друг лучше двух новых» // Сын Отечества. 1860. № 48. 27 ноября.

Н. Л. Ермолаева

Ивановский государственный университет

ОБРАЗ ПРАВОСЛАВНОГО СВЯЩЕННИКА В ОЧЕРКЕ

И. А. ГОНЧАРОВА «ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ»

Среди героев очерка «Через двадцать лет», посвященного тяжким испытаниям, выпавшим на долю экипажа «Фрегата “Паллада”» после того, как И. А. Гончаров высадился с него на российском берегу, особое место занимает образ православного священника архимандрита Аввакума. Автор рисует его с необыкновенной симпатией. О. Аввакум – единственный человек из команды, не обеспокоенный приведением корабля в боевое положение в связи с начавшейся войной: «Как он сам лично не имел врагов, всеми любимый и сам всех любивший, то и не предполагал их нигде и ни в ком... У него была вражда только к одной большой пушке, как совершенно ненужному в его глазах предмету, которая стояла в его каюте и отнимала у него много простора и свету» (1 : 367). Эта нелюбовь имеет, конечно, религиозный подтекст: как и следует священнику, о. Аввакум – противник насилия и всего, что с ним связано. Несомненная и глубокая вера его проявляется в том, что он без каких бы то ни было рассуждений отдаёт себя на волю Господа и уверен в его благом расположении.

Гончаров отмечает удивительное соответствие призвания и природы о. Аввакума: «Он жил в своём особом мире идей, знаний, добрых чувств – и в сношениях со всеми нами был одинаково дружелюбен, приветлив. Мудреная наука жить со всеми в мире и любви была у него не наука, а сама натура, освященная принципами глубокой и просвещённой религии. Это давалось ему легко: ему не нужно было уметь – он иным быть не мог» (1 : 367–368).

Образ о. Аввакума у Гончарова, несомненно, идеализирован. Одна из причин этого в том, что речь идет о реальном, недавно умершем человеке. Но есть и другая, не менее важная. Живая, не знающая сомнений вера архимандрита детски непосредственна и чиста. И это соответствует представлениям Гончарова об идеале верующего человека. В. И. Мельник пишет об этом так: «Он не требует от человека аскезы и максимальной самоотдачи и самопожертвования» (2 : 210), предпочитает веру «младенческую» (2 : 204). Именно поэтому герой показан в произведении как большой ребенок и эпизоды, посвященные ему, согреты юмором. Автор радуется от того, что встречает в о. Аввакуме носителя простого и сердечного чувства веры.

В очерк включены три юмористические сценки, участником которых является священник. В одной из них он, гуляя по шканцам, «вдруг... плюнул на палубу».

Ужас! – восклицает автор. – Шканцы – это нечто вроде корабельной скинии, самое парадное, почти священное место. <...> А о. Аввакум – расчихался, рассморкался и – плюнул». «Как жаль, что он – не матрос!» (1 : 368) – шепчет после этого рассказчику вахтенный офицер, едва удержавшийся от замечания священнику. В другом случае о. Аввакум сел на площадку, с которой можно командовать исключительно стоя. «Опять скандал! ...вахтенный офицер смотрел на архимандрита – как будто хотел его съесть, но не решался заметить, что на шканцах сидеть нельзя. Это, конечно, знал и сам о. Аввакум, но по рассеянности забыл, не приписывая этому никакой существенной важности» (1 : 368). Автор говорит о «невозмутимо покойном созерцательном уме» (1 : 368) архимандрита, о том, что он нелегко поддавался тревогам. И когда однажды вся команда, ожидавшая увидеть неприятеля в приближающемся к фрегату судне, счастливо обманулась в этих ожиданиях, о. Аввакум воскликнул: «“Бегают нечестивый, ни единому же ему гонящу!” <...> Я засмеялся, и он тоже. ”Да право так!” – заметил он, спускаясь неторопливо опять в каюту» (1 : 369).

Юмор при характеристике о. Аввакума выступает как средство возвышения героя, но юмор же помогает сделать его живым, близким и читателю. В таком же качестве использовал юмор при изображении истинных служителей церкви и Н. С. Лесков. Именно его герои: Савелий Туберозов, Ахилла Десницын, Захарий Бенефактов – вспоминаются при чтении страниц очерка, посвященных о. Аввакуму (3 : 250).

Гончаров не упоминает имя другого Аввакума, известного любому русскому человеку истового ревнителя веры, страдальца и подвижника протопопа, написавшего собственное «Житие», но, возможно, рассчитывает на ассоциативное сближение этих героев русской истории и литературы. Их объединяет вера и подвижничество. Архимандрит Аввакум разделит трагическую судьбу команды фрегата «Паллада», а впоследствии «этот скромный ученый, почтенный человек ездил ... с графом Путягиным в Китай для заключения Тсянзинского трактата и по возвращении продолжал оказывать пользу по сношениям с китайцами...» (1 : 376), а закончил свой земной путь в монастыре. Вся жизнь его была служением делу, исполнением своего долга. Сближение имен архимандрита Аввакума и протопопа Аввакума помогает понять своеобразие религиозности Гончарова: ему не близка неистовость протопопа Аввакума в отношении к вере. Религиозность писателя исходила из его желания «очеловечить человека», смягчить его (2 : 218).

Чувство юмора, удивительная скромность и отсутствие претенциозности в образе священника определили положительное нравственное влияние на команду. Это влияние осуществлялось «не поучениями и проповедями, на которые» он «не был щедр, а просто примером ровного, спокойного характера и кроткой, почти младенческой души» (1 : 368). В очерке наглядно продемонстрировано то, как смягчает сердца суровых офицеров «детскостью» своего поведения о. Аввакум: вахтенный офицер дважды не решается сделать ему даже замечание в тех случаях, когда любой другой участник путешествия был бы им строго наказан. Рассказчик испытывает и на себе это влияние: поведение архимандрита всякий раз рождает просветляющую душу добрую улыбку.

Библиографический список

1. *Гончаров И. А.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. М., 1952.
2. *Мельник В. И.* О религиозности И. А. Гончарова // Русская литература. 1995. № 1.
3. *Розов А. Н.* Типы священников в русской литературе второй половины XIX – начала XX веков // Труды IV Всероссийских чтений, посвященных братьям Киреевским: «Оптина пустынь и русская литература». Калуга, 2001.

А. В. Перетягина*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова***ПУШКИНСКИЕ ТРАДИЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА
И ПРИРОДЫ В РОМАНЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»**

В творчестве Тургенева значительная и почётная роль принадлежит природе. По мысли Тургенева, человек есть частица вселенского бытия и «человека не может не занимать природа, он связан с ней тысячью неразрывных нитей: он сын её» (4 : 414). Такое понимание Тургеневым целостности мира, взаимосвязи явлений пронизано пушкинским чувством красоты и гармонии, и потому всё, что выпадает из природного единства, или убого, или грозит неким несовершенством в жизни и звучит тревожным предупреждением человечеству.

Обычно Тургенев начинает своё повествование с описания природы. Роман «Отцы и дети» не исключение. Действие открывается в нём «20-го мая 1859 года». Читатель должен задержать свой взгляд на этой дате и воссоздать перед собой удивительную картину майского дня: занимается предлетье, благодатное время сочных трав, цветущих садов и долгожданной теплыни. Напоённая влагой, обласканная теплом и светом, земля щедра и обильна. Майский лес чуток и бодр. Некогда смыкать глаза его обитателям. Май – торжество весны зелёной: «Всё кругом золотисто зеленело, всё широко и мягко волновалось и лоснилось под тихим дыханием тёплого ветерка, всё – деревья, кусты и травы; повсюду нескончаемыми звонкими струйками заливались жаворонки; чибицы то кричали, вясь над низменными лугами, то молча перебежали по кочкам; красиво чернея в нежной зелени еще низких яровых хлебов, гуляли грачи; они пропадали во ржи, уже слегка побелевшей, лишь изредка выказывались их головы в дымчатых её волнах»(6 : 205).

Чувствуется убеждённость Тургенева в том, что природа побеждает человека, бессильного подчинить её своей воле. Именно поэтому так безрадостно и грустно описание того, к чему прикоснулась рука человека: «речки с обрывыми берегами», «крошечные пруды с худыми плотинами»; и так прекрасны изображения русской природы, взятой Тургеневым «в себе самой», в своей простой, спокойной и безыскусственной прелести. Пейзаж тургеневского романа соединяет в себе сжатость и выразительность, точность и поэтичность красок. Этот пейзаж отличается подробной разработкой своих частей – и в то же время син-